

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЫНОК» В БИЗНЕС-ЦИКЛЕ?

В статье исследуется сущность категорий «подрывные технологии» и «демократия» в рамках рыночного бизнес-цикла на предмет сравнительного анализа понятий. Выявлены субстанциальные характеристики и фундаментальные связи между данными категориями. Доказано, что использование термина *демократия* применительно к экономической системе является методологически не корректным, ведет к подмене понятий и смешиванию смыслов экономических и политических отношений.

В статье проводится дискуссия с *традицией постмодернистского футуризма*, адепты которого представляют дело таким образом, что появление «подрывных технологий» (disruptive technologies) запускает процесс диффузии продвинутых технологий (IT – information technologies или ИКТ – информационно-коммуникационные технологии), которые порождают радикальные изменения природы микроэкономики фирмы и банка, сущности рыночной макросистемы и двухуровневой банковской системы. Цифровые энтузиасты предполагают, что феномен «технологической сингулярности» запустит процесс взлома традиционной иерархии общества, в которой ключевую роль играют государство, крупные корпорации, средний и малый бизнес, связанные друг с другом сложным порядком денежно-кредитных и бюджетно-финансовых отношений.

Массовое применение «подрывных технологий» в прорывных отраслях экономики оказывают воздействие на изменения относительных ценностей хозяйственных благ на рынке. Критическая масса изменений приводит к взлому отраслей рыночной экономики, что свидетельствует о действии научно-технического прогресса. Вот как об этом пишет К. Шваб: «Все технологии Четвертой промышленной революции имеют некоторые общие аспекты, связанные с теми системными изменениями, которые мы наблюдаем. Чтобы взглянуть на происходящее с общего, системного уровня, следует рассмотреть четыре общих аспекта динамики развития технологий:

1. Технологии Четвертой промышленной революции существенно расширяют и преобразуют цифровые системы.

2. Технологии распространяются с экспоненциальной скоростью, проникая в материальные объекты и в нашу жизнь.

3. Разрушительная мощь технологий усиливается по мере того, как они комбинируются и запускают очередной цикл инноваций (Курсив наш. – В. У.).

4. Разные технологии создают похожие преимущества и проблемы. Преимущества и проблемы перспективных технологий связаны с такими важными вопросами, как неравенство, безработица, демократия, суверенитет, экономическое развитие, здоровье и безопасность.

Чтобы успешно справиться со скоростью и масштабностью влияния технологий Четвертой промышленной революции, потребуются новые, более гибкие модели управления для частного сектора, общественных организаций, а также для правительств и традиционных регуляторов. Мы должны создать новые, более гибкие и приспособленные к будущим реалиям формы управления, включая нормы, стандарты и практики, которые будут учитывать всеобщие интересы» [1, с. 43–44].

Футуристы сформулировали гипотезу, согласно которой вместо всей устаревшей аналоговой архаики «старой» экономики внезапно возникнет новый порядок индивидуалистических отношений между людьми (P2P). Кредитные деньги, создаваемые двухуровневой банковской системой в порядке кредитования заменяются криптовалютным финтехом одноранговых пиринговых сетей ('peer to peer' или 'равный человек к равному человеку' – P2P, т.е. «экономика без посредников») системы блокчейн. Так видится криптоэнтузиастам их светлое будущее. Они уверяют публику в том, что ростки будущего существуют уже сегодня. Правда оно пока находится в свернутом и неразвитом состоянии. По мнению цифровых энтузиастов, сложившийся в настоящем техногенный тренд уже позволяет понять направленность технологических изменений и представить картину будущего, в котором «подрывные технологии» будут активно воздействовать на поведение людей. Считается, что развитие криптовалютного финтеха должно привести к ликвидации системы субъектов торгового и финансового посредничества, а вместо отживающих свой век посреднических структур, которые как паразиты «пожирают» добавленную ценность, экономическая власть в будущем перейдет к субъектам «новой экономики». Последние превратятся в «чистых» потребителей, а искусственный интеллект (ИИ) супермашин посредством «межмашинных отношений» станет совершать прямые переводы криптовалют (P2P обмен), используя технологию блокчейн. Утверждается, что одноранговые пиринговые сети создадут условия для включения людей в систему *распределенной демократии*, которая будет осуществляться в пространстве Интернета.

В 1995 г. Д. Тапскотт написал книгу «Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы сетевого интеллекта». В ней он провел анализ воздействия ИКТ на способы ведения бизнеса в системе электронных коммуникаций. Было введено понятие *эпоха сетевого интеллекта (Age of Networked Intellengence)*. Содержание этого термина заключается «не только в сетевых технологиях, ... но во взаимодействии людей посредством сетевых технологий», которые «объединяют интеллект, знания и творчество для совершения прорыва в создание общественного капитала и благополучия» [2]. Являясь сторонником либертарианства, Д. Тапскотт понимает под

общественным капиталом создание среды «новой экономики», в которой люди, используя сетевые технологии и формируя новые компетенции, повышают благосостояние и изменяют общество в направлении роста *экономического равноправия людей* вне действия принудительной иерархии и государства. Либертарианцы предполагают, что ИКТ являются активно действующей силой, радикально преобразующей общество и экономику. Предлагается футуристический проект создания «нового общества», в котором с помощью цифровых технологий будут созданы новые общественные отношения, построенные на принципе «*демократии прямого действия*», где отсутствуют государство и структуры представительной демократии со сложной системой взаимоотношений трех ветвей государственной власти. Демократию прямого действия еще называют «*распределенной демократией в интернет-пространстве*».

Использование ИКТ позволит создать также систему экономических отношений, в основе которых будет лежать прямое взаимодействие между производителем и потребителем. Предполагается, что ИКТ помогут вытеснить торговых и финансовых посредников из экономики. Двухуровневая банковская, бюджетно-финансовая система и государство, которое их контролирует под напором «подрывных технологий» должны будут уйти со сцены истории. В либертарианской концепции материальный (техногенный) фактор (ИКТ) становится инструментом радикальной трансформации общества и экономики. Делается вывод, что с помощью продвинутых ИКТ будет достигнуто равноправие людей. Только учитывая рамки этой системы мировоззренческих координат можно понять сущность понятий, введенных Д. Тапскоттом – *сетевой интеллект* и *общественный капитал*.

Ученый предложил двенадцать признаков «нового общества»: ориентация на знания; цифровая форма представления объектов; виртуализация производства; «молекулярно-структурированная среда информации»; инновации; интеграция и межсетевое взаимодействие; конвергенция; трансформация отношений «изготовитель–потребитель»; динамизм; глобальные масштабы; противоречия в развитии общества. ИКТ в «новой экономике» создают возможности значительно снизить транзакционные издержки на поиск информации при заключении людьми контрактов. В центре теоретических построений автора лежит гипотеза о возможности исключения посредников для формирования прямого контакта между производителем и потребителем. Посредники, по его мнению, занимаются «усилением слабых сигналов ... в каналах связи в доэлектронной экономике» [2].

Однако не все так просто. Через четверть века развития цифровой революции произошли глобальные изменения. Действительность оказалась значительно более сложной вещью по сравнению с иллюзиями техногенного футуризма. В 2016 г. Тапскотт пишет новую книгу «Технология блокчейн. То, что движет финансовой революцией сегодня», в которой излагает свои взгляды. В ней после двух десятилетий больших надежд цифровые энтузиасты подводят неоднозначные итоги действия «подрывных технологий»

в экономике. Однако, несмотря на временные неудачи, автор убежден в том, что основой прогресса общества является создание «удивительнейшей технологии, призванной обеспечить экономическое равенство» между людьми, которые действуют в рамках «открытого, распределенного, уравновешенного пространства Всемирной паутины» [3, с.17].

Ключевыми критериями общественного капитала, который используется в «новом обществе» в либертарианской концепции Д. Тапскотта, являются понятия открытости и распределенности прав субъектов в сети, равновесия при взаимодействии субъектов, нейтральности распределенной сети и ее параллельного существования относительно иерархии государства и корпораций. Предполагается, что распределенная пиринговая сеть – это специфический технологический механизм «мягкой силы», который возьмет верх над «жесткой силой» государства и иерархически организованных корпораций. Все эти свойства и отношения базируются на *демократии прямого действия*, которая исключает иерархию общества. Общественный капитал «нового общества» – это распределенная пиринговая сеть без посредников и государства, которая из потенциальной силы станет реальностью. Стержень, на котором базируется равноправное общество – это инновационные ИКТ, позволяющие перевернуть, изменить до неузнаваемости иерархию и сложную структуру традиционной системы капиталистических рыночных отношений, где пока что регулятивную роль играет государство, а на рынке доминируют иерархические вертикально интегрированные корпорации.

Д. Тапскотт пришел к выводу, что во время революции Интернета выросли крупные компании «новой экономики» (Uber, AirBnB и др.), которые не позволили реализовать надежды на справедливое согласование интересов людей, ведущих к равновесию и экономическому равноправию. Он пишет: «Но Империя нанесла ответный удар. Очевидно, что власть, сосредоточенная в бизнесе и госуправлении, подчинила своей воле *исходную, демократическую архитектуру Интернета* (Курсив наш. – В. У.). Огромные учреждения теперь держат в собственности и контролируют эти новые средства производства и социального взаимодействия – структуру в основе Интернета, богатейшие и все увеличивающиеся залежи информации, алгоритмы, которые все больше управляют бизнесом и повседневной жизнью, мир приложений, необыкновенные возможности, такие как машинное обучение и самоуправляемые автомобили. От Кремниевой долины и Уолл-Стрит до Шанхая и Сейла эта новая аристократия пользуется своими преимуществами собственника, чтобы с помощью удивительнейшей технологии, призванной обеспечить экономическое равенство, скопить огромные личные состояния и укрепить свою власть над экономикой и обществом» [3, с. 17].

Анализируя широкий контекст развития современного общества, Д. Тапскотт отмечает: «Многие мрачные прогнозы первых пионеров цифрового века сбылись. Рост ВВП не сопровождается ростом занятости в большинстве развитых стран. Вместе с увеличением производства благ увеличивается и социальное неравенство. Флагманы технологии перевели

большую часть своей деятельности из открытого, распределенного, уравновешенного пространства Всемирной паутины в закрытые и надежно огражденные “садики” или приложения в собственном формате, открытые “только для чтения”, где невозможен, в частности диалог. Корпоративные силы захватили множество замечательных открытых демократических технологий прямого общения (Курсив наш. – В.У.) и пользуются ими, чтобы извлекать несоразмерные доли прибыли» [3, с. 17].

Мировоззрение Д. Тапскотта является амбивалентным, так как построено на совмещении двух начал. С одной стороны, ставится цель создать с помощью ИКТ демократическое пиринговое общество, а с другой – определяется задача, используя ИКТ, не дать крупным корпорациям продолжить самодостаточное функционирование, результаты которого нарушают права некорпорированных производителей. Приводится пример, когда объединенные общими интересами коллективы заинтересованных лиц (водители Uber) с помощью блокчейна смогут обойтись без агрегатора платформы (Uber), используя технологическую платформу для реализации своих прав. Д. Тапскотт приводит интервью В. Бутерина (30.09.2015 г.) о возможности вытеснения Uber водителями через блокчейн. «В то время как большинство технологий направлено на автоматизацию повседневной деятельности второстепенных (или вспомогательных) работников, блокчейн автоматизирует и делает ненужным суть сложившихся вещей. Вместо того, чтобы вытеснить с рынка водителя такси, блокчейн вытесняет Uber и позволяет таксисту взаимодействовать напрямую с клиентом» [3, с.21].

В. Бутерин, используя методологию механистического детерминизма, подменяет понятия, редуцируя высшие сущности к низшим сущностям. Технология блокчейн как таковая не обладает волшебными свойствами изменять природу вещей. Это очевидно, так как это эмпирический факт. Другого пока нет. Когда произойдет волшебство (по В. Бутерину), то это «священнодействие» будет зафиксировано как явление экономической жизни. Используя «подрывные технологии», невозможно, противодействуя Uber, чудодейственным образом убрать корпорации с рынка такси. Однако цифровые энтузиасты утверждают, что это волшебство возможно, так как они этого очень хотят. Здесь наши мнения радикальным образом расходятся, так как мы стоим на брэнной земле и анализируем эмпирические факты, в рамках которых блокчейн не обладает придуманными волшебными свойствами, позволяющими осуществлять изменения природы вещей.

Согласно убеждению Д. Тапскотта, технология блокчейн, обладающая свойствами распределенной пиринговой сети, сможет ограничить действие рыночных механизмов взвешивания издержек и выгод, в рамках которых объективным преимуществом обладают иерархически организованные капиталистические фирмы. Блокчейн поможет некорпорированным производителям, этой массе «чернорабочих» бизнеса, обыграть корпорации. Не увядает технократическая мысль, утверждающая, что новейшая технология блокчейн неким чудодейственным образом сможет упростить сложную структуру

общественных отношений до предельного отношения «производитель–потребитель». Футуристы, однако, считают, что «подрывные технологии» можно поставить на службу некорпорированным производителям, взломав рыночную действительность в противовес корпорациям, приведя к равноправию общество, дав процветание всем его членам.

Ученый пишет: «Если бизнес, госуправление и новаторы гражданского общества справятся с задачей, мы перейдем от Интернета, мотивированного преимущественно снижением цен на поиск, координацию и сбор информации и принятие решений (где в центре внимания мониторинг, посредничество и монетизация информации и транзакций в сети), к Интернету, мотивированному снижением стоимости выработки, регулирования и осуществления общественных и коммерческих соглашений, где в центре внимания будут этичность, безопасность, сотрудничество, неприкосновенность личных данных во всех транзакциях и в создании и распределении ценностей. Это разворот стратегии на 180 градусов. *Результатом может стать экономика равноправных участников с институтами, которые будут по-настоящему распределенными, безбарьерными и дающими новые возможности – и потому легитимными. Новая платформа фундаментально переопределяет, что и как мы можем делать онлайн и кто в этом участвует, и таким образом даже способна создать технологические условия для разрешения самых наиболее болезненных социальных и экономических проблем* (Курсив наш. – В. У.).

Если с этой задачей справиться не удастся, многообещающая технология блокчейна будет ограничена или вовсе уничтожена. Хуже того, она может превратиться в орудие мощных институтов, с помощью которого они будут охранять свое состояние, или, если к ней получат доступ правительства, в платформу для нового общества тотальной слежки. Тесно связанные технологии распределенного программного обеспечения, шифрования, автономных агентов и даже искусственного интеллекта могут выйти из-под контроля и обратиться против своих создателей» [3, с. 26–27].

Суммируя опыт развития ИКТ, Д. Тапскотт остается оптимистом относительно перспектив технологического прогресса недалекого будущего. Он пишет: «С развитием *глобальной пиринговой платформы* (Курсив наш. – В. У.), которая позволяет идентифицировать пользователя, устанавливать доверительные отношения, отслеживать репутацию и проводить транзакции, мы, наконец, сможем перестроить глубинную суть фирмы, чтобы обеспечить инновации, совместную деятельность и, возможно, даже общее благополучие, а не просто обогащение немногих (Курсив наш. – В. У.). Речь не идет о фирмах с небольшим капиталом и незначительным влиянием на рынок. Напротив, мы имеем в виду компании двадцать первого века, в том числе с огромными прибылями, доминирующие на своих рынках. Мы убеждены, что предприятия будущего станут больше походить на сети, чем на вертикально интегрированные иерархии индустриальной эпохи. Таким образом, *появится возможность распределять (а не перераспределять)*

прибыль более демократично (Курсив наш. – В. У.)» [3, с. 24] . Таким образом, пиринговые сети – это альтернатива вертикально интегрированным иерархиям индустриальной эпохи, а фирма превращается в сетевую структуру.

Концепция Д. Тапскотта строится на системе неиспользуемых в экономике политических понятий, которые употребляются потому, что автор либо подменяет экономические смыслы явлений либо их просто не знает. Он употребляет понятие *демократия* для интерпретации экономических явлений, которые этим термином не описываются: демократические технологии, демократизация экономики, демократизация рынка, демократическое распределение прибыли. Этот методологический прием ведет к некритическому переносу смыслов из политической сферы в экономику. В этом пункте его концепции возникает фундаментальное противоречие. Либертарианство базируется на исходной интуиции о возможности построения демократии прямого действия вне иерархии общества и государства. Поэтому появление технологических новшеств информационной эпохи оно восприняло как тот самый чудодейственный инструмент, с помощью которого наконец-то появилась возможность развязать «гордиев узел» иерархии старого аналогового общества. В основе техногенной гипотезы либертарианства лежит упрощенное представление о сложной природе человека, который представляется в качестве свободного индивида, т.е. рационального эгоиста, стремящегося к максимизации полезности и живущего вне стесняющей его жизнь иерархии общества и государства.

Мы считаем, что *демократия* – это политический способ упорядочивания отношений социальных групп в обществе, которая заключается в системе политических процедур жесткого взаимного контроля противоположными слоями общества друг друга. Демократия как форма политического устройства общины возникла в античных полисах. Например, в Риме демократическая форма правления позволяла упорядочивать противоположные интересы между патрициями и плебеями. Однако эта политическая система оказалась совершенно не способной выполнять свои функции, когда в результате территориальных захватов полис из небольшого города-государства превратился в гигантскую империю. Количественный территориальный рост маленького уютного полиса привел к качественным изменениям, к возникновению сложной структуры союза различных религиозных и этнических общин. Это разнообразное цветистое созвездие народов, находившихся на трех континентах (Европы, Азии и Африки) на очень разных условиях входили в Рим. Часть из них свободно вступали в состав Римской республики, получая гордое название союзника и друга римского народа, другая часть принудительно включались в Рим после серии кровопролитных войн как, например, Галлия, Испания, Карфаген, Британия. Во II-I вв. до н.э. механизмы прямой демократии в Римской республике перестали работать, что вызвало волну затяжных гражданских войн между плебеями и патрициями. В результате гигантских гражданских конфликтов, приведших к неисчислимым жертвам среди римского народа, Октавиану Августу удалось, разгромив

Антония в 30 г. до н.э., установить долгожданный мир. Римская республика вступила на сложный трехвековой путь формирования бюрократической иерархии имперского государства, которое осуществляло свое господство на громадной территории Римской империи.

По нашему мнению, методологически некорректно переносить принципы демократии на политику, армию, производство, экономику, технологии. Неверно считать, что технология блокчейн, создающая распределенную пиринговую сеть, защищает права человека. Перенос политических смыслов на экономику ведет к построению неадекватных конструкций, неспособных объяснить природу объективной реальности, плодит заблуждения в сознании людей. Анализ содержания книг Д. Тапскотта и взглядов близких к нему ученых приводит к следующим выводам. В очередной раз в истории общества возник прогрессистский миф, в основании которого лежит механистическая техногенная идея. Высказано предположение о том, что технологии превращаются в активную действующую силу, изменяющую как природу человека, так и природу общества. Футуристы приписывают «подрывным технологиям» волшебную способность элиминировать иерархию общества, упростив его до неузнаваемости. Техногенная гипотеза приводит к абсурдному утверждению о том, что технологии, созданные человеком, могут подменить активное творчество человека в экономике, делая его пассивным пользователем при растущей механистической силе «подрывных технологий». Мы считаем, что технологии не тождественны экономическим отношениям между людьми. Технологии обладают свойством нейтральности, они объект, так как являются элементом производительных сил. Субъектом деятельности является человек, применяющий технологии в своих целях.

Человек ставит цели и достигает их с помощью адекватных средств, изменяя общество через активные коммуникации с контрагентами. Очевидно, что творческими функциями технологии не обладают, так как не способны ставить цели и достигать их, используя необходимые средства. Тем не менее, *сциентизм* породил безжизненную гипотезу, продолжающую традицию овеществления общественных отношений, согласно которой человек превращается в придаток машины, некое подобие «домашнего животного» при ней. Вот к каким далеко идущим выводам приводит прямая подмена понятий, ведущая к радикальному сдвигу смыслов. Безличная матрица в одноименном фильме «Матрица» управляет людьми, утратившими свою идентификацию и персонификацию личности.

С 90-х гг. XX в. результаты использования ИКТ воплотились в динамичном росте новой цифровой отрасли в рыночной экономике, которая оказывает влияние на преобразование смежных отраслей. IT отрасль из обслуживающей подсистемы в экономике превратилась в стратегическую подсистему, взяв на себя функции локомотива экономики. Рыночная экономика является исходной структурой изменений, на которую оказывает влияние человек, применяющий «подрывные технологии». Критериями выделения цифровой отрасли являются: продукт; система межсубъектных

экономических отношений; бизнес-модель фирмы; миссия и стратегия фирмы; ценности и нормы, разделяемые собственниками, менеджерами и работниками фирмы (корпоративная культура). Предмет исследования экономической науки (особенно в трансформационных экономиках) традиционно фокусируется на развитии рыночной экономики и преобразовании ее структуры в направлении повышения эффективности. В рамках гуманитарной традиции экономической науки мы изучаем роль и место «подрывных технологий» в работе рыночной экономики.

Цифровая революция внутри себя имеет инновационный источник, оказывая влияние на бизнес цикл экономики. Й. Шумпетер создал теорию «созидательного разрушения», в рамках которой он исследовал природу инноваций в широком смысле слова (организация и управления фирмой, производство и продажи товаров и услуг) и степень воздействия, которое инновации оказывают на динамику рыночного бизнес цикла. Теорию Й. Шумпетера отрицает концепция «технологического детерминизма». На ее основе Р. Курцвейл сформулировал гипотезу «экспоненциального роста», которая построена на наблюдении феномена массового потока спонтанно возникающих технологических инноваций, возникающих в течение последних 40 лет. Р. Курцвейл утверждает, что возникновение «подрывных технологий» и накопление их критической массы с середины второго десятилетия XXI в., подвели современную экономику к завершающей стадии цифровой революции.

Ученый сформулировал оригинальную идею «технологической сингулярности», под которой он понимает гипотетический момент в будущем, когда появляется порождающий самого себя искусственный интеллект (ИИ) в процессе самосовершенствования. ИИ обладает суперинтеллектом супермашины («Саманта» Криса Скиннера). Это приводит к радикальному изменению сущности Бытия человеческой цивилизации. Этот чудесный феномен возникает спонтанно и становится абсолютным вызовом человеку, на который он оказывается не в состоянии ответить. Обладая мизерным по своему потенциалу интеллектом по сравнению с Самантой, человек чудесным образом превращается в «домашнее животное» при суперинтеллекте супермашины. В какой-то момент мгновенно возникает тотальное механистически рациональное общество, управляемое математическими алгоритмами. В таких радикально изменившихся условиях технологическое развитие для человека становится в принципе неуправляемым и необратимым во времени и пространстве. Подобный феномен напоминает содержание сценария фильма «Матрица». Р. Курцвейл воспроизводит одну из популярных версий гипотезы технологической сингулярности, именуемой «интеллектуальным взрывом» (эту концепцию выдвинул, в частности, британский математик и космолог И. Гуд) [4, р. 11–22]. Обновляемый интеллектуальный агент (например, компьютер с сильным ИИ) в конечном итоге может войти в «безудержную реакцию» циклов самосовершенствования. При этом каждое

новое поколение ИИ будет появляться все быстрее, порождая своего рода «интеллектуальный взрыв» и создав в конечном счете суперинтеллект, превосходящий интеллект всего человечества» [5].

Сторонник гипотезы «интеллектуального взрыва» Бытия Г. Греф предлагает современному человеку научиться «экспоненциально» мыслить для того, чтобы понять сущность «экспоненциального роста», который произойдет в скором будущем. Это вполне логичное предложение, так как радикальные изменения Бытия требуют столь же адекватной и глубокой трансформации мышления человечества и соответственно изменения индивидуального сознания самого человека. В ином случае непонятно как человек впишется в эру господства «подрывных технологий», которые вызывают «экспоненциальный рост». Без освоения азов «экспоненциального мышления» человек выпадает из Бытия «технологической сингулярности». Более того, обычный человек рискует превратиться в пассивный объект, который перед своим взором видит только иллюзорный мир. Он не понимает происходящего и пребывает в совершенном невежестве, будучи подчиненным Сверхмашине под названием «Матрица». В общем, все очень печально для традиционного человека, все строго по сценарию, разработанному братьями (ныне уже сестрами) Вачовски в фильме «Матрица».

Однако вернемся на бrenную землю и попытаемся осмыслить те последствия «интеллектуального взрыва», который принесет в будущем феномен «экспоненциального роста» «подрывных технологий». Предложенная цифровыми энтузиастами модельная конструкция общества будущего несет в себе необходимые закономерные следствия. Они ведут к тому, что из общества и экономики исчезает сущность природы человека. Во-первых, утрачивается активный человек-творец, обладающий свободой воли, о котором с упоением и восхищением писали обществоведческие науки с XVII века по сегодняшний день. Во-вторых, умирает рыночный бизнес-цикл, который является имманентным элементом рыночной системы отношений последние двести лет. В-третьих, исчезает рыночная система отношений между людьми и на их место заступают машины, которые с помощью криптовалют приступают к «межмашинной коммерции». В-четвертых, суперинтеллект супермашины оставляет человеку Постмодерна убогий удел паразитарного потребителя, в увядшей душе которого умирает смысл жизни. Все эти последствия вытекают из атеистической теории и являются логическим следствием действия более общей концепции «технологической сингулярности». Христианский Бог милосерден к человеку. Он дал жизнь человеку, наделив его свободой воли для того, чтобы человек нес по своему уникальному жизненному пути свой тяжкий крест.

О данных последствиях, к сожалению, цифровые энтузиасты вообще не упоминают и, соответственно, не видят в них никаких проблем. Эти фундаментальные и значимые последствия для общества в целом, для людей, живущих в этом бrenном мире, и работающих в действительности рыночной

экономики, цифровые энтузиасты не разъясняют. Для них рыночный бизнес-цикл не существует либо это явление просто не существенно. Это неизбежное следствие отрицания сложной природы человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шваб, К.* Технологии Четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис. – М. : Эксмо, 2018. – 320 с.
2. *Тапскотт, Д.* Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы сетевого интеллекта / Д. Тапскотт. – Киев: ИНТПресс; М.: Релф бук. – 1999. – 432с.
3. *Тапскотт, Д.* Технология блокчейн. То, что движет финансовой революцией сегодня / Д. Тапскотт. – М.: Эксмо, 2017. – 270 с.
4. *Vinge, V.* The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era / V. Vinge // Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace, G. A. Landis, ed., NASA Publication CP-10129, 1993.
5. Технологическая сингулярность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki> – Дата доступа : 09.02.2016.

Поступила в редакцию 07.06.2022